

И я вижу черные пятна на белом, как мрамор, лице

Джулиет Диас

Джулиет не слишком любит одиночество. Точнее - не любит совсем. И, оставаясь наедине с самой собой, инстинктивно начинает искать собеседника. Соглашаясь на любого, кто подвернется, пусть даже это будет совершенно незнакомый человек. Или даже кот - на худой конец, кот не так уж плох. Тем более, тут у одной ученицы как раз есть - пушистый, здоровенный, мощный и с бесконечно умными глазами. Так и кажется, что если начать ему о чем-нибудь рассказывать, он все до последнего слова понять сумеет. А может, даже и что посоветовать в ответ - хотя последнего лучше пусть не делает. Это неостановимой радости никому не принесет.

Остаться одной в комнате, из которой в свое время вдруг исчезла соседка - тихо, бесшумно, почти незаметно, не оставив на прощание ни записки, ни носового платка, ни огрызка карандаша - настолько тоскливо, что даже немного нервно. Ощущаешь себя одиноко скрючившейся в углу крысой, последней на корабле - всех остальных то ли выкосили болезни и голод, то ли они почуяли, что корабль готов утонуть в любой момент и разбежались кто куда, одна лишь ты плачевно не в курсе... В такие одинокие вечера Джулиет рвется прочь из комнаты. К сестре ее мужу, на случайно подвернувшееся занятие или просто в поисках неприятностей - что угодно, лишь бы не оставаться одной.

Сегодня - вариант, однозначно, последний. Диас даже не успевает уйти далеко от своей комнаты, как натывается на протянувшегося поперек террасы парня. Прямой, словно циркуль, и пугающе безжизненный. Джулиет испуганно склоняется над юношей - дышит, но это ведь не тождественно равно высказыванию "все в порядке"? - протягивает руку и осторожно толкая незнакомца в плечо, негромко зовет: - Э-эй! Ты... как себя чувствуешь?

Аурел Виеру

Эту удивительно никчемную способность - погружаться в сумрачную немоту, как лампочка по щелчку выключателя - Аурел в себе обнаружил совсем недавно. Вроде и ничего такого не делал, специально таких дурных навыков не развивал - а они есть. Сидят внутри тянущей черной дырой. Ширятся, черти. Оккупацию безоглядно жизнерадостного когда-то организма проводят.

Румын пытался этот свой недуг как-то описать для самого себя, чтобы попытаться понять, с чем он имеет дело - более всего походило на то, что душа вдруг, всхлипнув, замирает. И так и тянуло как-нибудь поставить никому не нужный эксперимент и проверить: сердце-то в такие моменты хоть бьется? Или тоже - замирает? Может, их под ребрами и вовсе притаилось целых два, словно у таймлорда из Галлифрея? Только одно основное, бьется круглые сутки, исчерченное тонкими дорожками прорвавшихся на волю слезинок - а второе запасное и вступает в действие как раз тогда, когда сердце основное, плачущее, берет паузу и уходит прорываться как следует? Резервное? Чтобы организм во время таких пауз не помер случайно?

Ну, а с таким набором симптомов - диагноз ставится легким движением руки, по одному только печально-зачуханному виду больного. Любовь - несчастная,

безответная, отвергнутая. Посмотреть, так банальная проблема. А вот для Аурела - проблема, имеющая жизненно важное значение.

И у источника болезни было самое прекрасное на свете имя - Арлетта. Аурел догадывался, что, наверное, за историю Линь Ян Шо не он первый догадался по уши влюбиться в свою же наставницу и уж явно не он череду этих подвигов завершит - но приказать бестолковой сердечной мышце ничего не мог. Сердце выбрало Арлетту - чтобы любить ее "раз и навсегда, до самой смерти". И пересматривать свое отношение к американке глупый ливер отказывался напрочь.

При Арлетте - Аурел старательно держал жизнерадостное, неунывающее лицо. Тем более что это было не так уж и сложно - при виде наставницы сразу и глаза загорались, и губы сами собой изгибались в радостной улыбке... А вот когда наставницы рядом не было - Аурел мог "потухнуть" где и когда угодно, в какой угодно позе. Собственно, в этом отвратительно полумертвом состоянии Джулиет и застала румына.

- Я-то? Разбитым, но в целом существующим, - на вопрос Аурел отреагировал с запозданием, но все же сообразил, что отвечать бы надо. Приподнялся на локтях, помотал головой, вытряхивая из уголков глаз остатки безжизненного сумрака, и дружелюбно взглянул на девушку снизу вверх: - Напугал? Извини. Я не специально. В смысле, я тут валяюсь не затем, чтобы напугать кого-нибудь своим трупным видом. Если, мало ли, ты об этом думала - так нет, дело совсем не в этом, - было бы дело только в этом, жизнь была бы искристо прекрасна. И розовые пони летали бы по радуге. Со всеми, пардон, прилагающимися интимными подробностями.

Джулиет Диас

"Разбитым"?...

Джулиет не очень понимает, что юноша имеет в виду под своей "разбитостью" - но уж точно не какое-нибудь физическое увечье. Чтобы в этом окончательно увериться, девушка, прищурившись, кидает внимательный взгляд на ауру нового знакомого - нет, ни переломов, ни других неприятностей в организме не видно... но вот эмоциями аура полыхает самым отчаянным образом. Почти как северное сияние - только вместо завораживающей красоты читается тоскливая обреченность, да такая, что бразильянка, залившись смущенным румянцем, торопливо опускает глаза и принимается внимательно изучать половицы у себя под ногами. В чужие эмоции со своими "наблюдашками" вообще забираться без спросу не стоит. А уж тем более - в такие. Это слишком личное.

- Я тебя не совсем понимаю, - качает головой Джулиет. И осторожно садится на пол рядом с юношей. С точки зрения банальной, но бравой логики, пожалуй, следует все-таки уйти с террасы, переместиться в чью-либо комнату и там наедине обсуждать деликатные темы, которые, кажется, вот-вот выплывут на поверхность. Но как кажется бразильянке, таскать человека в таком состоянии по коридорам и комнатам, словно баул с мешком - несколько бестактно. - В смысле, я верю, что ты тут лежишь, не чтобы прыгать на прохожих, но... что значит, ты "разбитый, но существующий"? У тебя что-то стряслось? Что-то серьезное? Может, я могу как-нибудь тебе помочь? - чистосердечно предлагает Джулиет. Вечное желание протягивать руку помощи всем обиженным и угнетенным, а так же помогать чайникам и сострадать веникам - оно всегда с бразильянкой, несмотря даже и на то, что реальные возможности девушки, можно считать, ничтожно малы. Она может куда скорее поплакать рядом, вовсю сопереживая, чем реально подставить плечо - и все равно, Джулиет считает своим долгом спросить. А вдруг она и правда - может

оказаться полезной? Не только сочувствующими слезами, а и чем-нибудь настоящим, действенным?

Аурел Виеру

Ну ещё бы она с первого раза вот так в лоб взяла и поняла. У Аурела порой у самого с полноценным восприятием себя, любимого, бывали недюжинные проблемы - что уж тогда говорить о девочке, которая сегодня вообще с фактом существования румына столкнулась впервые? Как она должна разбираться в его бесконечных внутренних метаниях?

Девочка, к слову, была весьма и весьма мила - из тех очаровательных созданий, что на современном жаргоне принято называть странным словом "няша". Карамельно-прелестная и пугающе доверчивая. За прилагательным "разбитый" действительно может скрываться чуть ли не всё, что угодно, ни с первого, ни даже со второго взгляда точно не определить. А она сразу помогать кидается, доверчивая дурочка...

- Спасибо за вопрос, - улыбнулся в ответ Аурел. Подражая девушке, тоже сел - и окинул коротким вежливо-восхищенным взглядом длинные девичьи ноги. И правда, запредельной какой-то длины - зачем им такие в гены закладывают? Девушки же не скаковые лошади, чтобы длиной мускулистых ног мериться... - Но, полагаю, мне имеет смысл жевать и пережевывать свою проблему одному. Не то чтобы я тебе не доверял, просто, понимаешь, дело достаточно личного характера... Или, постой...

Мысль не просто вдруг приходит в непутевую голову - она жалит в мозг наподобие разъярённой осы, только что мозги от такого озарения не опухают. Повернувшись к девушке, Аурел осмотрел её уже совершенно по-другому, теперь разглядывая как потенциальную помощницу, а затем с надеждой спросил: - Ты знаешь мастера Давенпорт? Арлетту?

Чем только черти не шутят, в самом деле. Может, эта нежная девочка сейчас и впрямь румыну дельным советом поможет?

Джулиет Диас

Своих собственных ног Джулиет почему-то ужасно, безудержно стесняется - и не только потому, что в магазинах зачастую не выходит найти подходящие по размеру брюки правильной, нужной длины. Просто циркульно длинные конечности неизменно привлекают повышенное мужское внимание, тянут к себе чужие взгляды, словно магнитом - а бразильянка излишне внимательных взглядов как раз не любит, стараясь их избегать. Вот и сейчас - хоть взгляд юноши куда скорее вежливый, чем заинтересованный, Джулиет все равно чувствует себя неловко. Заливается темным румянцем, сгибает ноги в коленях и старается развернуться так, чтобы Аурел видел их как можно меньше. Глупо, но правда, девушка по-детски забавно стесняется собственного тела. И ничего с этим поделать не может.

- Мастера Давенпорт? Арлетту? - нахмурившись, повторяет Джулиет следом за Аурелом. И, сообразив, о ком идет речь, тут же вспыхивает радостной улыбкой: - Да, знаю, конечно! Я и на занятия к ней ходила, и с моей сестрой они очень хорошие подруги, и с ее детьми я иногда гуляю, они такие очаровательные... А что? При чем здесь мастер Давенпорт? - настораживается бразильянка. Нет, ни в каких ужасных замыслах девушка своего нового знакомого не подозревает - просто пока не может прочувствовать и понять связь между эксцентричной американкой и безжизненным, "разбитым" лежанием на полу бщей террасы жилого корпуса.

А связь ведь должна быть. Обязана. Ну не может юноша спрашивать об этом просто чтобы не отвечать на заданный вопрос. На взгляд Джулиет - не похоже это на

бесхитростную и безыскусную смену темы разговора. Совсем не похоже.
